

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-164-173

Некоторые особенности региональных организованных групп или преступного сообщества мегаполисов: социально-криминологический аспект

Егор Михайлович Поречный¹, Виктор Дмитриевич Макроменко²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ egorikpor@mail.ru

² m777vd@yandex.ru ✉

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей региональных организованных групп или преступного сообщества мегаполисов (Санкт-Петербурга и Ленинградской области), дискуSSIONности их социально-криминологической характеристики. Авторами предложены возможные пути повышения эффективности противодействия, предупреждения организованной преступности в целом и преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в частности. Обращено внимание на проблему дистанционного мошенничества, в том числе интернет-мошенничества, при получении удаленного доступа к банковским картам клиентов. Утверждается, что эффективность работы правоохранительных органов по предупреждению деятельности организованной преступности связана с уязвимостью существующих формулировок организованных групп или преступного сообщества. Успешность и эффективность противодействия деятельности организованной преступности во многом определяется на уровне ранней профилактики.

Ключевые слова: организованная группа, преступное сообщество, мегаполис, теневой интернет

Для цитирования: Поречный Е. М., Макроменко В. Д. Некоторые особенности региональных организованных групп или преступного сообщества мегаполисов: социально-криминологический аспект // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 164–173. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-164-173>

Original article

Some features of regional organized groups or the criminal community of megapolis: Socio-criminological aspect

Egor M. Porechny¹, Viktor D. Makromenko²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ egorikpor@mail.ru

² m777vd@yandex.ru ✉

Abstract. The presented article is devoted to the study of the peculiarities of regional organized groups or the criminal community of megapolis (St. Petersburg and Leningrad region), the debatable nature of their socio-criminological characteristics. The article indicates possible ways to improve the effectiveness of countering and preventing crime in general,

© Поречный Е. М., Макроменко В. Д., 2022

as well as crimes committed using information and telecommunication technologies, in particular. Attention is drawn to the problem of remote fraud, including Internet fraud, in terms of obtaining remote access to customers' bank cards. It is emphasized that the effectiveness of law enforcement activities in preventing the activities of organized crime is associated with the vulnerability of existing formulations of organized groups or criminal community. The success and effectiveness of countering the activities of organized crime is largely determined at the level of early prevention.

Keywords: organized group, criminal community, megapolis, shadow Internet

For citation: Porechny E. M., Makromenko V. D. Some features of regional organized groups or the criminal community of megapolis: Socio-criminological aspect. *Sociology and Law. 2022;14(2):164-173.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-164-173>

Введение

Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации (РФ) в 2021 г., размещенные на официальном сайте МВД России, свидетельствуют о сохраняющейся тенденции снижения количества зарегистрированных общеуголовных преступлений (от 1,5 до 1,9 % ежегодно), подтверждающей стабильность и контролируемость оперативной обстановки в стране.

Региональные статистические данные о состоянии преступности в крупнейшем на северо-западе страны мегаполисе в 2021 г., размещенные на сайте ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, говорят о незначительном увеличении количества зарегистрированных общеуголовных преступлений (+2,5 %, 62 755) при устойчивом снижении количества преступлений по отдельным видам. К ним отнесены:

- тяжкие и особо тяжкие (–5,5 %, 21 659);
- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (–1,9 %, 7 557)
- кражи (–2, 8 %, 22 849);
- убийства и покушения на убийства (–10,1 %, 134);
- грабежи (–20,7 %, 1 058);
- разбои (–15,8 %, 219);
- бандитизм (–25,0 %, 3).

Существует ли повод для «беспокойства» в данной ситуации? Существует, если обратить внимание на социально-криминологический аспект. По-прежнему раскрывают только каждое второе преступление общеуголовной направленности (41,0 %, 25 613) при наметившейся тенденции к их уменьшению (–0,8 %). Соответственно, увеличивается количество нераскрытых преступлений (+14,6 %, 36 882). Особую тревогу вызывают статистические показатели, связанные с преступлениями, совершенными лицами, ранее их совершавшими (половина (43,0 %, 11 001) от общего числа раскрытых преступлений при наметившейся тенденции к увеличению (+5,8 %).

В группах по-прежнему раскрывают каждое десятое преступление (11, 6 %, 2 962) при позитивной тенденции, связанной с их увеличением (+51,9 %). Более рельефны показатели, связанные с преступлениями, совершенными организованной группой (далее — ОГ) или преступным сообществом (далее — ПС). В данном регионе зафиксировано резкое увеличение (+261,5 %) таких преступлений при удельном весе от общего количества раскрытых 5,6 % (1 428). Иными словами, в этом регионе каждое двадцатое раскрытое преступление — это преступление, совершенное ОГ или ПС, при наметившейся тенденции к их увеличению (+3,9 %).

Эмпирическую базу исследований в данной сфере, как правило, составляют не только данные официальной статистики, но и данные исследований, известные из социологии (социологические опросы, экспертные оценки), позволяющие существенно расширить исследовательский горизонт. Эта необходимость обусловлена, с одной стороны, высокой латентностью, то есть не вошедшей в официальную статистику, совершаемых ОГ или ПС преступлений, которая многократно превышает официальную. С другой — вовлеченностью почти половины предпринимателей и более 60 % коммерческих структур в криминальные отношения. Преступными формированиями установлен контроль над хозяйствующими субъектами. В кругу противоправных интересов ОГ или ПС находятся целые сектора экономики. Это позволяет некоторым экспертам утверждать, что современные ОГ или ПС ориентированы на системную масштабную и многоаспектную криминальную деятельность [1, с. 3–4].

Новая реальность, связанная с ухудшением эпидемиологической ситуации, согласно многочисленным социологическим опросам и экспертным оценкам, предполагает постепенное перемещение любой деятельности, в том числе экономической, в виртуальное пространство. Такой тренд в целом характерен для последней из известных в развитии нашей цивилизации «информационной революции», где драйверами стали информация, знания, высокоэффективные производства, изменившие общество широким использованием средств (электронных) преобразования информации и ее передачи (компьютеров, сотовой и спутниковой связи, интернета).

Материалы и методы

Каким образом это связано с совершаемыми ОГ или ПС преступлениями и преступностью в целом? Появление «теневого интернета» или *DarkNet*, то есть скрытой группы веб-сайтов, доступной лишь через специализированные браузеры, предоставило дополнительные возможности использования так называемой технологии анонимного обмена информацией через компьютерную сеть (луковой маршрутизации).

Россия в этой области человеческой деятельности на протяжении последних лет занимает позицию в группе лидеров, что подтверждается данными, представленными *TOR Metrics* — одной из крупнейших в мире развернутых анонимных сетей. Наша страна, обладая мощным интеллектуальным и образовательным потенциалом, с 2014 г. вошла в тройку стран, наиболее активно ее использующих, а с 2018 г. удерживает четвертое место в мире по числу пользователей «теневого интернета». Изначально *DarkNet* использовали в криминальных целях только для приобретения и сбыта наркотических средств. «Увидев» новые возможности этой интернет-площадки, ОГ или ПС начали расширять сферу применения и использовать в криминальных целях для торговли оружием, сбыта поддельных документов, распространения детской порнографии, традиционно находящихся в сфере интересов ОГ или ПС.

Санкт-Петербург и Ленинградская область, крупнейший мегаполис на северо-западе страны у границ с Европейским союзом (далее — ЕС), остаются в числе лидеров с наибольшим удельным весом зарегистрированных преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий, темпы роста которых хотя и замедлились по итогам 12 месяцев 2021 г. до 1,4 %.

Изложенное выше, с одной стороны, свидетельствует о том, что правоохранителям исследуемого региона удалось преодолеть известные трудности, испытываемые на протяжении последних десятилетий в «определении» ОГ или ПС

при квалификации конкретных действий. В отношении последних Верховный суд РФ в постановлении Пленума от 10 июня 2010 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», действуя в рамках компетенции и руководствуясь ст. 126 Конституции РФ, с присущей ему определенностью указал на необходимость точного выполнения требований закона, предусматривающего уголовную ответственность за создание преступного сообщества (преступной организации) либо за руководство сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а также за участие в нем (ней), имея в виду, что организованная преступность в ее различных проявлениях посягает на общественную безопасность, жизнь и здоровье граждан, собственность, нарушает нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений. С другой — следует признать наличие в указанном регионе соразмерной и относительно эффективной системы противодействия проявлениям ОГ или ПС, целенаправленной предупредительной деятельностью МВД России.

Не останавливаясь детально на системе, обратим внимание на ряд особенностей региональных ОГ или ПС мегаполиса через призму социально-криминологических характеристик, нашедших отражение в литературе. Основное внимание исследователей сосредоточено на развитии целенаправленной предупредительной деятельности организованной преступности (не акцентируя внимание на ОГ и ПС), демонстрирующей приоритеты развития сбалансированной предупредительной практики, нацеленной на сокращение организованной преступности и минимизацию общественно опасных последствий расширения ее системных проявлений [1, с. 5].

Сохраняется позиция, которая продолжает находить сторонников, согласно которой отечественная предупредительная практика не отвечает в полной мере требованиям стратегии предупреждения, предусмотренной Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности (принятой в Нью-Йорке 15 ноября 2000 г.). Национальными силами правопорядка по-прежнему используются меры организационного, в основном ведомственного характера, с увеличением государственных расходов, укреплением силовых подразделений и неэффективной реализацией собственно правоохранительных средств. Их адекватное применение видится возможным лишь на основе системной информационно-аналитической работы, обеспечивающей владение необходимой информацией [1, с. 6].

Прослеживается дискуссия и относительно сущностных характеристик. Нельзя не обратить внимание на точку зрения исследователей, согласно которой деятельность ОГ и ПС рассматривается с позиции современного менеджмента, где многие процессы «оптимизированы» до уровня успешно функционирующих бизнес-моделей, имеющих высокие показатели доходности при ориентации на «минимизацию возможных рисков». Изложенный подход обусловлен известной концепцией, согласно которой деятельность ОГ или ПС рассматривается как «сложный социальный феномен, вросший в общественную ткань», поскольку он возник и прочно переплетен с другими социальными институтами и процессами, как полагает Я. И. Гилинский и еще ряд ученых [2; 3].

Акцентуализация усилий исследователей, по мнению авторов, сосредоточена не столько на сущностном (хотя они настаивают на этом), сколько на деятельном, то есть по смыслу и ходу рассуждений речь идет не о констатации противоправности и дальнейшем пресечении проявлений, признаваемых законодателем преступными, сколько об объяснении и детерминированности таких проявлений (деяний).

Для данной группы исследователей характерным можно признать оставление без внимания аксиом, известных со времен Древнего Рима: *ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* («преступления возникают из сенатских и народных решений»). Ключевым является тот факт, что такие действия/бездействие, как и их совокупности, — релятивные (относительные) и конвенциональные («договорные») понятия, определяемые законодателем. Иными словами, это — лишь некие конструкции, отражающие реальность. Поэтому на точном выполнении требований закона и настаивает законодатель.

Обратим внимание на то, что мнение о признании преступности социальной конструкцией разделяют многие отечественные и зарубежные криминологи. Наиболее четко мысль о том, что преступность имеет исторически обусловленный изменчивый характер, сформулирована в трудах Х. Хесс и С. Шеерер [4]. Л. Хулсман аргументированно доказывает, что преступность не детерминирована онтологической реальностью... преступление — результат политики государства в данной сфере... Она во многом сконструирована социальной реальностью [5, р. 63].

Такие действия/бездействие, как вид человеческой деятельности, хотя и находящийся за пределами правового поля, но всегда стремящийся к возвращению в мир реальный из мира «параллельного», к «выходу из тени». И рассуждения ряда исследователей (относительно деятельности, признанной законодателем вне закона и за которую законодателем предусмотрена уголовная ответственность), по мнению авторов, служат обоснованием ее возможной «легализации». К тому же очевидны цели таких исследований, когда различные проявления, посягающие на общественную безопасность, жизнь и здоровье граждан, собственность, нарушающие нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений, представляются как успешные бизнес-модели экономического сектора «параллельного мира» с последующим «переводом/переходом» в бизнес-модель реального экономического сектора легальных рыночных отношений. Об этом пишут Н. В. Бурова, Ю. В. Латов, С. Н. Ковалев и ряд других авторов [6; 7].

Реализуя возможности современной науки, научной методологии, отдельных постулатов философии, известных со времен Аристотеля и уточненных в более поздний период Проторенессанса, группе отечественных и зарубежных исследователей удалось убедить и научную общественность, и обывателей в том, что деятельность ОГ или ПС (и преступности в целом) — социальный феномен, вросший в общественную ткань повседневности (по утверждению Я. И. Гишинского и других ученых), исходят из принципов функционирования общества и касаются большого количества населения, по мнению Р. Леноира и др. [8, р. 23].

Причинами, движущей силой данного феномена, определяющими его характер, отдельными его чертами (факторами) в числе других являются следующие:

- наличие спроса на товары (наркотики, оружие и др.) и услуги (сексуальные и др.);
- неудовлетворенность спроса, «дефицит» на вышеуказанные товары и услуги;
- рынок труда, безработица, незанятость отдельных категорий населения (подростков и молодежи);
- несовершенство деятельности налоговой, таможенной, финансовой политики государства, препятствующих развитию рыночной экономики, о чем пишет Я. И. Гишинский.

Это дает им основание ставить знак равенства между организованной преступностью, с одной стороны, как системой социальных связей и системой отношений, связанной с извлечением прибыли, что является целью предприниматель-

ской деятельности — с другой. Но речь идет о незаконной прибыли, как утверждают, например, Я. И. Гишинский, Н. В. Бузова, Ю. В. Латов, С. Н. Ковалев.

Обращаясь к природе и сущностным характеристикам, указанная группа исследователей в своих трудах представляет деятельность ОГ или ПС именно с этих позиций: «предпринимательская деятельность» и ее цель — извлечение прибыли при распределении товаров и/или услуг. Отличие от легального бизнеса (индустрии) состоит в методах/способах достижения данной цели. Специалисты, опираясь на сравнительное социологическое исследование, проведенное Социологическим институтом РАН РФ в Санкт-Петербурге, пришли к выводу о неизбежном «процветании» нелегального предпринимательства, приносящего значительную прибыль/доход. Легальное предпринимательство, допуская полулегальные или нелегальные проявления, переходит в разряд так называемого *white-collar crime* [9].

Предприняты и попытки рассмотрения деятельности ОГ или ПС с позиции регулирования экономической отрасли через налогообложение, национализацию и запреты. Предметом исследования был отечественный наркобизнес. В частности, исследователи пришли к выводу о том, что запрещение рынка не уничтожает его, а лишь способствует его неизбежной криминализации [10].

Обоснование в этих и аналогичных исследованиях, по мнению авторов, зиждется на сохраняющей влияние идеологии марксизма, где общественные отношения определяются экономикой (и лишь затем политикой). Именно поэтому деятельность ОГ либо ПС, как и преступность в целом, представляется или как социальный институт, или как один из элементов общества, вплетенный в его ткань и переплетающийся с другими структурными элементами. На это обращают внимание Я. И. Гишинский, В. Н. Кудрявцев, Л. М. Тимофеев и др. [11; 3].

Специалисты, используя категории социологии (модели поведения, социальные практики, потребности людей, социальные функции и т. п.), отождествляют организованную преступность с социальными институтами и прогнозируют применение новых технологий и дальнейшую интернационализацию (глобализацию), как утверждает В. Н. Кудрявцев. Успешное владение методами эффективного хозяйствования, постоянный мониторинг рынка и т. п., по мнению этой группы исследователей, делают ОГ или ПС более успешными, например, в агропромышленном комплексе, где применяются новые технологии (увеличение выхода продукции из имеющегося сырья), современные способы логистики (хранение, транспортировка, базы хранения сельхозпродукции и т. д.), финансовая независимость (крупные суммы наличных денег), что позволяет концентрировать значительную товарную массу, несмотря на сезонность, устанавливать и поддерживать высокие рыночные цены в течение года, по мнению В. Н. Кудрявцева.

Согласно логике, предложенной сторонниками изложенного подхода, не исключена возможность «включения» деятельности ОГ или ПС, как это не покажется странным, в один из сегментов легальной рыночной экономики. Ход рассуждений сторонников данного подхода очевиден: признавая эту деятельность в качестве социального института или социального феномена — вечных спутников любого общества, независимо от политического режима и формы проявления, разновидностью пороков общества, выявляют причины (факторы) такого феномена, его генезис и детерминированность. Используя методологию наблюдения, определяют критерии оценки явления, выявляют динамику и структуру статистики, официальной и латентной. Получив «прописку» в криминологии, категории успешно дрейфуют в другие области знаний.

В литературе известна и дискуссия в рамках иного подхода. Так, рассматриваемую человеческую деятельность признают как никем не организованную, самоорганизующуюся систему, то есть характеризуют с позиции не системного,

а синергетического подхода, где точки бифуркации, например, совпадают с частным проявлением деятельности ОГ или ПС, в том числе с распределением сфер влияния, проявлений экстремизма и терроризма, коррупцией (понимаемой как широкий подкуп чиновников и служащих) и т. п.

Характерная для деятельности ОГ или ПС нелинейность и протекающие через случайность выбора пути в момент бифуркации процессы, связанные с ней и с последующим растеканием (дроблением) на множество сценариев развития, не поддаются надежному прогнозированию. По мнению авторов, научный поиск идей, обобщение научного опыта с позиции синергетического подхода, несомненно, обогатят теорию и практику. Авторы солидарны с позицией тех, кто считает, что наука немыслима без новых теорий и концепций. Жизнь науки связана с постоянным обновлением, смелостью предложения новой трактовки известных постулатов после эмпирической перепроверки, о чем пишут О. В. Старков, В. В. Шишкин и другие ученые [12].

Особенно необходимы новые пути, методики их обнаружения и дальнейшего исследования. В частности, справедливо отмечает Г. В. Горшенков, вслед за М. Вебером, рассматривая случайность как событие, которое невозможно объяснить известными (привычными) методами и которое неизбежно продуцирует следствие [13].

Разделяем и точку зрения исследователей деятельности ОГ или ПС, находящихся на позиции современного нормативизма (неопозитивизма) как продолжения юридического позитивизма XIX и XX вв. Основное право рассмотрено через совокупность юридических норм, исходящих от государства в виде формально закрепленных в отдельных актах и обеспечиваемых принудительной силой государства, сосредоточено на построении юридических понятий и конструкций вне связи с социальными условиями их существования и развития, дабы «избежать методологического синкретизма, который затемняет сущность правоведения и смазывает границы, определенные природой его предмета», по словам С. В. Иванцова.

Итоги

Современный нормативизм как разновидность аналитической юриспруденции — это система норм: первичных (правила обязывания) и вторичных (правила признания, изменения и решения). Право отличается от иных регуляторов наличием принудительных (государственных) санкций. Идеи сторонников фундаментальных проблем философии права (Г. Кельзен, Г. Харт и др.) [14; 15], известных с XX в., остаются чрезвычайно влиятельными, поскольку последующее развитие права в значительной степени было лишь рефлексией.

Сущностное определение ОГ или ПС и сходных с ними категорий, сформулированное Верховным судом РФ, предусматривающее точное выполнение требований закона, в своей основе опирается на концепции современного нормативизма. Тем более что речь идет о такой отрасли права (уголовном праве), где необходима точность и определенность: преступлением, согласно ст. 14 Уголовного кодекса (УК) РФ, признают виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой наказания, то есть деяние, которое признано законодателем преступным. Перечень таких деяний носит закрытый характер: только то является преступлением, что признано законодателем.

Возможны ли какие-либо изменения? Возможны, на наш взгляд. Но это должно быть определено особенностями развития социально-экономической ситуации в стране, с возможным усилением влияния транснациональности.

При этом не исключено, что последствия очередной (четвертой) информационной революции могут быть рассмотрены как факторы укрупнения национальных ОГ или ПС, а также их «кооперации» с ОГ или ПС транснационального уровня. В связи с этим соединение усилий государств в сфере противодействия ОГ или ПС в условиях дальнейшего процесса объединения продолжает сохранять значимость.

На изменения повлияет трансформация конфигурации всемирных межбанковских каналов связи, прежде всего системы расчета и взаимного клиринга. При этом, по мнению авторов, остается значимой проблема дистанционного мошенничества, в том числе интернет-мошенничества, при получении ОГ или ПС удаленного доступа к банковским картам клиентов.

Принятые изменения в УК РФ, в частности относительно впервые совершивших указанные преступления, а также снижение в контексте ст. 159.3 и 159.6 УК РФ порогового значения крупного размера (с 1,5 млн руб. до 250 тыс. руб.), особо крупного — с 6 млн руб. до 1 млн руб., как следует из приведенной выше региональной статистики, лишь усугубили ситуацию. Кроме того, это предоставило дополнительные возможности для дальнейшего распространения фишинга, если после получения доступа к денежным средствам на банковских картах потенциальных жертв при помощи почтовых рассылок от лица банка, содержащих в себе ссылки на страницы, являющиеся точными копиями официальных сайтов, предлагается ввести данные карты для возможности дальнейшего ее использования, а также «создание» фальшивых интернет-магазинов, если с потенциальной жертвы «берут» предоплату за товар без выполнения обязательств [16].

Выводы

Принимая во внимание то обстоятельство, что интернет-мошенничества по-прежнему множеству направлений, используемых ОГ или ПС (в их числе — фишинг, голосовой фишинг, SMS-фишинг, поддельные веб-сайты и поддельные интернет-магазины), можно утверждать, что данная сфера нуждается в пристальном внимании законодателя.

Мы разделяем мнение о том, что наиболее эффективное противодействие ОГ или ПС возможно на начальном этапе, на стадии ранней профилактики, где и следует сосредоточить основные усилия, устраняя «первоначальные» факторы/причины. Эффективность правоохранительной деятельности в аспекте предупреждения деятельности ОГ или ПС обусловлена и уязвимостью существующих формулировок ОГ или ПС. В связи с этим следует оставить в законе для уголовно-правовой оценки не только сущностное определение, но и уровень организованности, общественную опасность; в ст. 210 и ч. 4 ст. 35 УК РФ следует оставить один из терминов: «преступное сообщество» либо «преступная организация». Кроме того, необходимо уточнить цель (совершение тяжких и особо тяжких преступлений), акцентируя внимание на извлечении материальной или иной выгоды.

Таким образом, наблюдающийся тренд в изменении траектории развития оперативной обстановки в регионах и стране в целом, в том числе относительно деятельности ОГ или ПС, непрекращающаяся дискуссия в литературе обусловлены складывающейся ситуацией. Успешность и эффективность противодействия деятельности ОГ или ПС во многом определяются на уровне ранней профилактики, а также мудрой и гибкой уголовной политикой законодателя, внимательно отслеживающего происходящие изменения.

Список источников

1. *Иванцов С. В.* Организованная преступность: системные свойства и связи (криминологическая оценка): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 39 с.
2. *Гилинский Я. И.* Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе пост-модерна: сборник ст. СПб.: Алетейя, 2017. 280 с.
3. *Тимофеев Л. М.* Теневые экономические системы современной России: теория — анализ — модели: учебник для вузов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 322 с.
4. *Hess H., Scheerer S.* Was ist Kriminalität? // *Kriminologische Journal*. 1997. Heft 2.
5. *Hulsman L.* Critical Criminology and the Concept of Crime // *Contemporary Crisis*. 1986. Vol. 10. No. 1. P. 63–80.
6. *Бурова Н. В.* Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета экономики и статистики, 2006. 176 с.
7. *Латов Ю. В., Ковалев С. Н.* Теневая экономика: учебное пособие. М.: Норма, 2006. 335 с.
8. *Lenoir R.* Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974. 196 p.
9. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе (отчет 3)». СПб.: Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН, 2001. 81 с.; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (отчет 4). СПб.: Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН, 2002. 96 с.
10. *Старков О. В.* Проблема создания новых направлений современной криминологии // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2007. № 3 (3). С. 175–178.
11. *Кудрявцев В. Н.* Социальные причины организованной преступности и коррупции // *ЧинovníкЪ*. 2000. № 3 (9). URL: <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2000/01/8/> (дата обращения: 04.03.2022).
12. *Шишкин В. В.* Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2007. 34 с.
13. *Горшенков Г. Н.* Синергетика и криминология: новые возможности системного подхода к изучению преступности // *Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2008. № 7. С. 47–51.
14. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
15. *Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 302 с.
16. *Мостовой Д. Ю.* Современные технологии борьбы с вирусами // *Мир ПК*. 1993. № 8. С. 82–84.

Информация об авторах

Е. М. Поречный — магистр частного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

В. Д. Макромёно — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

E. M. Porechny — Master of Private Law; 44a Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

V. D. Makromenko — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law; 44a Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 24.06.2022.